К. Шилов

Московский адрес

На сероватом узком листке, вклеенном среди четырехсот листков разного формата в тяжелый черный том, Пушкиным написана всего одна строчка:

«НА АРБАТЕ ДОМ ХИТРОВОЙ.

А. П.»

Мгновенно зажигаются в памяти пушкинские слова в статье о Вольтере: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства» (XII, 75).

Ниже автографа аннотация на французском языке:

«Рука поэта Пушкина. Адрес, набросанный им самим в нашем большом доме на Вздвиженке, однажды вечером, в большой зале, во время моего отъезда в Саратов. Пушкин был тогда женихом» [1].

Ровный, «вежливый» почерк записи принадлежит саратовцу Адриану Михайловичу Устинову (1802 — после 1882).

Никогда раньше имя Пушкина не было связано с московской улицей Воздвиженкой. Когда же посетил Пушкин воздвиженский дом? При каких обстоятельствах мог он оставить хозяевам свой адрес? Последняя строчка приписки переносит нас к зиме 1830/1831 года...

1

В декабре 1830 года Пушкин вновь встречается с Москвой, столь милой ему издавна своей первопрестольной патриархальностью, так изумительно им изученной и воспетой. Поэт делает последние приготовления к важнейшему дню своей жизни — свадьбе. Нуждаясь в средствах, просит он у царя разрешения издать «Бориса Годунова». Окончательно выясняет материальные отношения с прижимистыми родственниками невесты.

Живший до сих пор и в Петербурге и в Москве в гостиницах, Пушкин впервые ищет себе квартиру. В начале февраля 1831 года он снимает на Арбате второй этаж дома Настасьи Хитровой. Ощущая близость неспокойного семейного счастья, поэт раздумывает о том, какими путями пойдет его творчество... Лучшим другом этой поры стал для мужающего в невзгодах поэта «любезный Павел Воинович» — Нащокин... И тем не менее не к нему, а к далекому Кривцову, живущему где-то на границе Тамбовщины и Саратовской губернии, было обращено в эти дни одно из самых удивительных пушкинских откровений.

«Посылаю тебе, милый друг, любимое мое сочинение. Ты некогда баловал первые мои опыты — будь благосклонен и к произведениям более зрелым», — так пишет Пушкин 10 февраля 1831 года Кривцову, которого знал лишь по петербургской юности, потерявшему ногу в одном из сражений на полях Европы, атеисту и философу, «Анаксагору», изъездившему свет.

«Что ты делаешь в своем уединении? Нынешней осенью был я недалеко от тебя. Мне брюхом хотелось с тобою увидеться и поболтать о старине — карантины мне помешали. Таким образом, бог ведает, когда и где судьба сведет нас опять. Мы не так-то легки на подъем. Ты без ноги, а я женат. Женат — или почти. Все, что бы ты мог сказать мне в поль-

П. В. Нащокин. 1839 г.

ученого и таинственного Чаадаева даже несколько опасался и вообще избегал о нем судить, зная, что Александр Сергеевич этих суждений не одобряет. Однако, когда Пушкин попросил Нащокина снестись с Чаадаевым по делу, то вскоре получил следующий отчет:

«Чедаев всякий день в клобе, всякий раз обедает, — в обхождении и в платье переменил фасон, и ты его не узнаешь, — я опять угадал — что все странное в нем было ни что иное, как фантазия, а не случайность и плод опытного равнодушия ко всему. Еще с позволения Вашего скажу (ибо ты не любишь, чтоб я о нем говорил), рука на сердце говорю правду, — что он еще блуждает, что еще он не нашел собственной своей точки, я с ним об многом говорил — основательности в идеях нет — себя <так!> часто противоречит. Но что я заметил — и это мне приятно — человек весьма добрый, способен к дружбе, привящив, честолюбив более чем я, себя совсем не знает, потому и часто себя будет нужно изменять, что ничего не доказывает — тебя очень любит — но менее, чем я...» (XIV, 230.)

В 23 сохранившихся письмах Нащокина к Пушкину неизменно проявляются ум и одаренность писавшего. В одном из посланий Павел Воинович сообщает о житье-бытье своего брата и родни:

«Жена <брата> в деревне и утешается свободно — ходит гулять с камердинером бывшим князя Грузинского: щеголь, в куртке, в плисовых шароварах, весь в бронзовых цепях и говорит басом. <...> Камердинер Петрушка все еще ничего, а от <кучера> Кириана житья нет никому. Вот главные лица, владельцы той усадьбы, откуда мой отец чванно выезжал, где он и похоронен. Если там, где он теперь, душа также чувствует и понимает, как и здесь — так вот Ад; наказание за суетность» (XIV, 251).

Эти строки имеют прямое отношение к «Запискам» Нащокина, в которых много рассказывается о «чванных выездах» покойного отца. К тому же «Записки» были составлены по настоянию Пушкина, который не остался равнодушным к «бронзовым цепям» басистого щеголя, и писал: «Письмо твое о твоем брате ужасно хорошо...»

Как видно, нащокинские воспоминания зарождались в разговорах и письмах; воспоминания, которых еще не представлял сам Павел Воинович, но — уже угадывал и требовал Пушкин[3].

«Удивительный Александр Сергеевич» любил принуждать друга или бывалого человека к писанию воспоминаний; поэт терзался от того, что так много замечательных людей и событий проходят бесследно, ибо мы «ленивы и нелюбопытны», и, кажется, применял три способа для превращения чужого рассказа в «меморию»; во-первых, писал заглавие, а иногда даже первые несколько строк чужих записок «для затравки»: так, пушкинской рукой были начаты записки М. С. Щепкина, А. О. Смирновой (Россет); во-вторых, сам записывал интересные рассказы собеседника: так появились «Разговоры Загряжской»; наконец, третий прием: заставить бывалого друга изложить свои воспоминания в письмах на имя «любезного Александра Сергеевича...».

Пушкин хорошо понимал, как трудно посадить за стол перед чистым лицом бумаги Павла Воиновича, и поэтому применил к нему сначала способ второй: записывал сам. Так появился первый эскиз будущих воспоминаний — «Записки П. В. Нащокина, им диктованные в Москве, 1830».

Эти несколько листков были найдены в тетради Пушкина (позже названной «плет-

П. В. Нащокин. 1839 г.

ученого и таинственного Чаадаева даже несколько опасался и вообще избегал о нем судить, зная, что Александр Сергеевич этих суждений не одобряет. Однако, когда Пушкин попросил Нащокина снестись с Чаадаевым по делу, то вскоре получил следующий отчет:

«Чедаев всякий день в клобе, всякий раз обедает, — в обхождении и в платье переменил фасон, и ты его не узнаешь, — я опять угадал — что все странное в нем было ни что иное, как фантазия, а не случайность и плод опытного равнодушия ко всему. Еще с позволения Вашего скажу (ибо ты не любишь, чтоб я о нем говорил), рука на сердце говорю правду, — что он еще блуждает, что еще он не нашел собственной своей точки, я с ним об многом говорил — основательности в идеях нет — себя <так!> часто противоречит. Но что я заметил — и это мне приятно — человек весьма добрый, способен к дружбе, привящив, честолюбив более чем я, себя совсем не знает, потому и часто себя будет нужно изменять, что ничего не доказывает — тебя очень любит — но менее, чем я...» (XIV, 230.)

В 23 сохранившихся письмах Нащокина к Пушкину неизменно проявляются ум и одаренность писавшего. В одном из посланий Павел Воинович сообщает о житье-бытье своего брата и родни:

«Жена <брата> в деревне и утешается свободно — ходит гулять с камердинером бывшим князя Грузинского: щеголь, в куртке, в плисовых шароварах, весь в бронзовых цепях и говорит басом. <...> Камердинер Петрушка все еще ничего, а от <кучера> Кириана житья нет никому. Вот главные лица, владельцы той усадьбы, откуда мой отец чванно выезжал, где он и похоронен. Если там, где он теперь, душа также чувствует и понимает, как и здесь — так вот Ад; наказание за суетность» (XIV, 251).

Эти строки имеют прямое отношение к «Запискам» Нащокина, в которых много рассказывается о «чванных выездах» покойного отца. К тому же «Записки» были составлены по настоянию Пушкина, который не остался равнодушным к «бронзовым цепям» басистого щеголя, и писал: «Письмо твое о твоем брате ужасно хорошо...»

Как видно, нащокинские воспоминания зарождались в разговорах и письмах; воспоминания, которых еще не представлял сам Павел Воинович, но — уже угадывал и требовал Пушкин [3].

«Удивительный Александр Сергеивич» любил принуждать друга или бывалого человека к писанию воспоминаний; поэт терзался от того, что так много замечательных людей и событий проходят бесследно, ибо мы «ленивы и нелюбопытны», и, кажется, применял три способа для превращения чужого рассказа в «меморию»; во-первых, писал заглавие, а иногда даже первые несколько строк чужих записок «для затравки»: так, пушкинской рукой были начаты записки М. С. Щепкина, А. О. Смирновой (Россет); во-вторых, сам записывал интересные рассказы собеседника: так появились «Разговоры Загряжской»; наконец, третий прием: заставить бывалого друга изложить свои воспоминания в письмах на имя «любезного Александра Сергеевича...».

Пушкин хорошо понимал, как трудно посадить за стол перед чистым лицом бумаги Павла Воиновича, и поэтому применил к нему сначала способ второй: записывал сам. Так появился первый эскиз будущих воспоминаний — «Записки П. В. Нащокина, им диктованные в Москве, 1830».

Эти несколько листков были найдены в тетради Пушкина (позже названной «плет-

Нѣкоторыя Историческiя замѣчанiя.

По смерти Петра I. движенiе переданное сильнымъ человѣкомъ все еще продолжалось въ огромныхъ составахъ Государства преобразованнаго. Связи древняго порядка вещей были прерваны на вѣки; воспоминанiя старины мало по малу исчезали. Народъ упорнымъ постоянствомъ удержавъ бороду и русскiй кафтанъ, доволенъ былъ своей побѣдою и смотрѣлъ уже равнодушно на нѣмецкiй образъ жизни обритыхъ своихъ бояръ. Новое поколѣнiе воспитанное подъ влiянiемъ Европейскимъ, часъ отъ часу болѣе привыкало къ выгодамъ просвѣщенiя. Гражданскiе и военные чиновники болѣе и болѣе умножались; иностранцы, въ то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластической педантизмъ по прежнему приносилъ свою непримѣтную пользу. Отечественные таланты стали изрѣдка появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наслѣдники Сѣвернаго исполина, изумленные блескомъ его величiя, съ суевѣрной точностiю подражали ему во всемъ что только не требовало новаго вдохновенiя. Такимъ образомъ дѣйствiя Правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тѣмъ какъ Азiатское невѣжество обитало при Дворѣ. (1)

Петръ I. не страшился народной свободы, неминуемаго слѣдствiя просвѣщенiя, ибо довѣрялъ своему могуществу и презиралъ человѣчество можетъ быть болѣе чѣмъ Наполеонъ. Все дрожало, все безмолвно повиновалось. Аристократiя послѣ его неоднократно замышляла ограничить самодержавiе, къ щастiю хитрость Государей торжествовала надъ честолюбiемъ вельможъ и образъ правленiя остался неприкосновеннымъ. Это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма и существованiе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованiя Дворянъ. Еслибъ гордые замыслы Долгорукихъ и пр. совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднилибъ или даже вовсе уничтожили способы освобожденiя людей крѣпостнаго состоянiя, ограничилибъ число дворянъ и заградилибъ для прочихъ сословiй путь къ достиженiю должностей и почестей Государственныхъ. Одно только страшное потрясенiе моглобъ уничтожить въ Россiи закоренѣлое рабство; нынѣ же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденiемъ крестьянъ; желанiе лучшаго соединяетъ всѣ состоянiя противу общаго зла, и твердое, мирное единодушiе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы. Памятниками неудачнаго бро-

«Некоторые исторические замечания». Копия Н. С. Алексеева.

Некоторыя Историческія замѣчанія.

По смерти Петра I. движеніе переданное сильным человеком все еще продолжалось в огромных составах Государства преобразованнаго. Связи древняго порядка вещей были прерваны на вѣки; воспоминанія старины мало по малу исчезали. Народ упорным постоянством удержав бороду и руской кафтан, доволен был своей побѣдою и смотрѣл уже равнодушно на нѣмецкій образ жизни обритых своих бояр. Новое поколѣніе воспитанное под вліяніем Европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвѣщенія. Гражданскія и военные чиновники более и более умножались; иностранцы, в то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластической педантизм по прежнему приносил свою неприметную пользу. Отечественные таланты стали изрѣдка появлятся и щедро были награждаемы. Ничтожные наслѣдники Сѣвернаго исполина, изумленные блеском его величія, с суеверной точностію подражали ему во всем что только не требовало новаго вдохновенія. Таким образом дѣйствія Правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем Азіятское невѣжество обитало при Дворѣ. (1)

Петр I. не страшился народной свободы, неминуемаго дѣйствія просвѣщенія, ибо довѣрял своему могуществу и презирал человѣчество может быть более чем Наполеон. Все дрожало, все безмолвно повиновалось. Аристократія после его неоднократно замышляла ограничить самодержавіе; к щастію хитрость Государей торжествовала над честолюбием вельмож и образ правленія остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищнаго феодализма и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою от существованія Дворян. Если б гордые замыслы Долгоруких и пр. совершились, то владѣльцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостнаго состоянія, ограничили б число дворян и заградили б для прочих сословій путь к достиженію должностей и почестей Государственных. Одно только страшное потрясеніе могло б уничтожить в Россіи закоренѣлое рабство, нынѣ же политическая наша свобода неразлучна с освобожденіем крестьян; желаніе лучшаго соединяет все состоянія противу общаго зла, и твердое, мирное единодушіе может скоро поставить нас на ряду с просвѣщенными народами Европы. Памятниками неудачнаго бо-

«Некоторые исторические замечания». Копия Н. С. Алексеева.